

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 176-187
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.176

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Escapes of Russian Ideas”: the Main Stages in the Formation of a Pro-Russian Public in the North-Western Territory in the first half of the 19th century

Oksana O. Zavyalova ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

Based on a broad empirical base, the article highlights the stages in the formation of a pro-Russian public in the Northwestern Territory as a special intellectual and sociocultural phenomenon in the first half of the 19th century. An analysis of the socio-cultural and socio-political factors that contributed to the emergence and development of this ideological direction, which sought to establish cooperation between the imperial authorities and the educated society of the outlying region, was carried out.

The formation of a pro-Russian public was a reaction to the dominance of the Polonized social elite in the northwestern provinces of the Russian Empire, which defended the Polish national project, which competed with the idea of imperial unification of the western outskirts. The history of the region, rich in events of foreign development, influenced the public consciousness of its inhabitants, contributing to the strengthening of both regional separatism and loyalism, the essence of which was the realization of the possibility of successful and conflict-free development of the region as part of Russia.

It is concluded that in the specific historical and cultural conditions of the northwestern provinces by the beginning of the 1860s in the environment of the pro-Russian oriented public, two main ideological currents took shape, one of which was based on the estate principle and was represented by local gentry loyalists, and the other by a nationally oriented and conservative-patriotic group of local figures. At the same time, representatives of the pro-Russian oriented public were distinguished by a clear worldview that the full development of the “Western Russian people” and the preservation of the original ethnic, cultural and religious image of the North-Western Territory is possible only if the region has organic ties with Russia and upholds the sovereign idea of an imperial heterogeneous state with an East Slavic ethnic core.

Keywords: Russian Empire, Northwestern Territory, Alexander II, A.P. Zablotsky-Desyatovsky, pro-Russian public, national policy, public sphere.

1. Введение

В XIX столетии в Российской империи в контексте формирования представлений о самобытности русской цивилизации за историками, краеведами, архивистами, литераторами постепенно закрепились значимая социальная роль творцов государственной идеологии. В эпоху «нациестроительства» российские и европейские интеллектуалы способствовали развитию процесса самосознания национальных сообществ, формированию их представлений о себе, о своих исторических истоках. В Российской империи представители образованного общества как в центре, так и на окраинах могли участвовать в формировании государственной политики, направленной на интеграцию окраинного населения в общеимперское символическое пространство, опираясь на определенные версии интерпретации прошлого, разрабатывая альтернативные модели системы управления окраинными регионами и проекты их реформирования. Благодаря своим научным и творческим изысканиям они

* Corresponding author

E-mail addresses: zavyalova@sfedu.ru (O.O. Zavyalova)

становились проводниками политики общерусской идентичности, в общем смысле понимаемой как «любая мобилизация, имеющая отношение к политике и культуре» (Bernstein, 2005: 48).

В северо-западных губерниях Российской империи, где частью колонизированной социальной элиты транслировался конкурирующий национальный проект, в среде местных интеллектуалов происходило формирование пророссийской ориентации, ставшей ответом на польские политические и социальные притязания, которые после двух Польских восстаний (1830–1831 гг., 1863–1864 гг.) ассоциировались у данной части местного образованного общества с агрессией, подавлением, порабощением, экономическим и культурным гнетом, довлеющим над простым населением региона. Цель данного исследования заключается в выявлении основных внутривнутриполитических факторов, способствовавших формированию пророссийски ориентированной региональной общественности северо-западных губерний как особого интеллектуального и социокультурного явления с характерной установкой на развитие сотрудничества между властью и образованным обществом в контексте решения стоящих перед окраинным регионом проблем. Ее представители стремились всемерно содействовать благим намерениям имперской власти «насадить в сердцах подданных своих единоплеменные к общим пользам, любовь к общему отечеству» (Коялович, 1869: 9), поддерживать реализуемый правительством политический курс в отношении Северо-Западного края. Данная установка, составлявшая основу мировоззрения части местной общественности, лояльной российскому правительству, объединяла ее с представителями русской умеренно-либеральной общественной мысли первой половины XIX века.

2. Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составило творческое наследие представителей пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края, их публицистические работы и записки, содержащие оценку общественно-политической ситуации в регионе в первой половине XIX века. Их анализ позволяет выявить критерии пророссийской ориентации определенного сегмента региональной общественности, ее представления о себе как о сообществе, чьи интересы совпадают с целями имперской администрации в окраинном регионе. Также источниками исследования послужили неопубликованные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Особую значимость в рамках данного исследования представляет записка либерального бюрократа А.П. Заблоцкого-Десятовского, содержащая предложения по налаживанию взаимодействия между представителями власти и местной интеллектуальной элиты в деле развития «русских начал» в Северо-Западном крае и демонстрирующая усилия российских чиновников по привлечению интеллектуального потенциала общественности для обеспечения социального согласия в регионе в сложных условиях модернизационных изменений второй половины XIX века. Один ее вариант, обсуждаемый в салоне великой княгини Елены Павловны в начале 1860-х гг., хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 58). Другой, переданный на рассмотрение министру внутренних дел Д.Н. Блудову и представленный Александру II в феврале 1862 года, а также материалы, связанные с учреждением «Западнорусского общества» – в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 3, Д. 4).

Для комплексного анализа научной проблемы применяется современная интерпретация концепта «общественность», которая отождествляется с понятием «образованное общество» в значении активного образованного меньшинства, выражавшего мнение «безмолвного большинства», в той или иной степени вовлеченного в процесс обсуждения общих проблем, т.е. коммуникативный процесс, в результате которого и формируется общественная мысль (Гросул, 2003: 265; *Общественная мысль России, 2020: 12-13, 17*). Историко-генетический метод, используемый в работе, позволил выделить и рассмотреть основные этапы развития пророссийски ориентированной общественности в Северо-Западном крае как отдельной социокультурной группы.

В рамках настоящего исследования представленное в современном политическом и социологическом дискурсе понятие «лоялист» наполняется конкретным историческим содержанием и применяется по отношению к представителям пророссийски ориентированной общественности северо-западных губерний рассматриваемого периода. В социологическом дискурсе в самом общем смысле под определением «лоялист» понимается актор общественно-политической жизни, выступающий приверженцем действующего политического режима и противостоящий его оппонентам, тяготеющий к умеренным общественно-политическим группам (Бобрович и др., 2018: 20). Использование данного определения в контексте научной проблемы исследования позволяет сформировать целостное представление о пророссийски ориентированной окраинной интеллектуальной элите рассматриваемого региона.

3. Обсуждение

Проблемы формирования региональной общественности в Российской империи и ее взаимодействия с властью выступали объектом большого количества исследований зарубежных и

отечественных авторов. Особое внимание уделялось вопросам воспроизводства элит на национальных окраинах империи, рассматривались факторы и конкретные управленческие практики, обеспечивающие лояльность со стороны образованного общества по отношению к Российской империи и ее институтам (Западные окраины..., 2007; Комзолова, 2005).

Анализ отдельных аспектов деятельности интеллектуальной элиты Северо-Западного края предпринимался рядом современных белорусских, литовских и польских исследователей. Внимание белорусских и литовских авторов привлекали проблемы социального состава и мировоззренческих установок общественных деятелей, участвовавших в формировании и продвижении белорусского национального проекта, анализировалось творчество отдельных интеллектуалов в контексте русско-польского цивилизационного противостояния в белорусско-литовских землях (Киселев, 2006; Романчук, 2020; Смоленчук, 2007; Теплова, 1999; Spatial concepts of Lithuania, 2016). Дальнейшее развитие в современной историографии получил подход, в соответствии с которым западные окраинные регионы Российской империи рассматриваются как пространство сосуществования нескольких идентичностей – польской, литвинской, белорусской и западнорусской, в конструирование которых были втянуты как общеимперская, так и локальная интеллектуальная элиты (Шимукович, 2017: 4). Также объектом исследований выступал процесс взаимодействия власти с различными слоями и группами населения в контексте формирования в бюрократической и общественной среде критериев русскости, а также совместная деятельность русских либеральных бюрократов и славянофильских общественных деятелей по упрочению общерусского единства в Северо-Западном крае (Западные окраины..., 2007: 137, 173; Сталюнас, 2004).

Подавляющее большинство исследований сосредоточено на рассмотрении вопросов реализации имперской национальной политики в Северо-Западном крае. Проблема формирования пророссийски ориентированной региональной общественности северо-западных губерний как особого интеллектуального и социокультурного явления не становилась объектом отдельного комплексного исследования. Данная проблематика рассматривалась в рамках анализа идейного наследия того или иного общественного деятеля – выходца из северо-западных губерний, что не позволяло выявить общие идейно-теоретические установки лояльной имперскому центру местной интеллектуальной элиты, ориентирующие ее на взаимодействие с имперскими властями в контексте формирования национальной политики Российской империи.

4. Результаты

Формирование общественности на окраинах Российской империи было обусловлено рядом этнических, политических, конфессиональных, экономических и социокультурных факторов и особенностей, характерных для того или иного региона. Специфика социальной и общественно-политической ситуации в северо-западных губерниях России, ставших «зоной» столкновения конкурирующих русского и польского ассимиляторских проектов, местом этнического, религиозного и культурного противостояния и взаимодействия обуславливала особенности развития интеллектуальной сферы и общественно-политической деятельности в Северо-Западном крае, оказала определяющее влияние на формирование идейных установок, разделяемых региональной общественностью, а также определила характер окраинной публичной сферы, понимаемой как пространство взаимодействия представителей местной администрации и образованного общества.

Значимым историко-культурным фактором формирования общественности в Северо-Западном крае выступала ностальгия по политическому наследию Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, ментальная установка части местной элиты на поддержку идеи возрождения государственности. Богатая событиями иногосударственного развития история края влияла на общественное сознание его жителей, способствуя укреплению как регионального сепаратизма, так и лоялизма, суть которого состояла в осознании возможности успешного и бесконфликтного развития региона в составе Российской империи. Лояльность выступает одним из значимых факторов стабилизации политической системы и понимается прежде всего как поддержка власти обществом (Лукин, 2005). Она также связана с понятием политического доверия, приверженности и симпатии к проводимому политическому курсу.

Лоялисты Северо-Западного края в рассматриваемый период были настроены конструктивно по отношению к верховной власти, поддерживали доминирующие в социуме институты, идеологические и религиозные установки, имели конвенциональную гражданскую и политическую позицию. При этом представители пророссийски ориентированной общественности северо-западных губерний в рамках конструктивной критики правительственной политики могли предлагать отдельные меры, направленные на корректировку политического курса или на расширение проводимых преобразований в контексте официального управленческого дискурса.

Для лоялистов было характерно одобрение консолидирующих действий российского правительства и генерирование конструктивных интегративных идей и предложений, противостоящих альтернативным ассимиляторским проектам и направленным на формирование проправительственных настроений среди простого населения окраины. Данная задача была отчетливо выражена в записке одного из видных представителей пророссийски ориентированной

общественности края униатского священника Иосифа (Семашко) «О положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной» от 5 ноября 1827 года. В ней он, окончательно разочаровавшись в католицизме, отмечал, что желал бы видеть полуторамиллионное униатское население края, «ежели не совершенно дружными, то и не враждебным к старшим своим братьям, – видеть сей народ усердным к вере своих предков, к пользам своего отечества, к службе общего отца – государя!» (Коялович, 1869: 10).

Одной из мировоззренческих и социокультурных основ пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края стало особое идейное и общественно-политическое течение – западнорусизм, формировавшееся в Российской империи в середине – второй половине XIX столетия. С момента своего возникновения оно включало ряд консервативных ценностных установок, базировалось на славянофильской триаде «православие – народность – самодержавие» и выступало, с одной стороны, как разновидность местной русской идентичности, и с другой – как основа для развития «донациональной идентичности» белорусов и малороссов (Долбилов, 2010: 493). Формирование западнорусской идеологии происходило в контексте изменения национальной политики Николая I в 1830-е гг. и конструирования национально-государственной доктрины. После Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. российское правительство обратило пристальное внимание на интерпретацию истории северо-западных губерний, поставив перед исторической наукой новую политическую задачу создания официального исторического нарратива о прошлом региона как неотъемлемой части русских земель. У истоков концепции исконной «русскости» Северо-Западного края стояли русские историки Н.Г. Устрялов и М.П. Погодин. В одном из своих писем к М.П. Погодину инспектор Ковенской дирекции народных училищ Д.Р. Каширин называл Погодина одним из первых деятелей, принявших «участие к водворению русских начал в Западном крае» (РГИА. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 126. Л. 3). Н.Г. Устрялову принадлежало характерное для западнорусизма обоснование антипольских настроений через призму событий прошлого Западной Руси, пронизанных борьбой с польским «игмом» (Устрялов, 1839: 39).

Лоялизм в среде образованного меньшинства, развивавшийся в Северо-Западном крае Российской империи как определенная политическая позиция, основывался не на принуждении или материальной заинтересованности, а скорее был выражением сознательного идейного выбора в пользу официальной имперской идеологии и общерусского патриотизма. Тем не менее зачастую стимулирующим фактором формирования лояльного отношения к власти выступало желание достичь успехов в построении личной карьерной траектории (РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 25885. Л. 9). Для представителей пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края было характерно конструирование «воображаемого сообщества» – Западной России, где при условии сохранения польской экономической и культурной гегемонии невозможно «свободное существование и свободное развитие литовского, белорусского, малороссийского элемента» (Коялович, 2011: 514). В контексте подобных представлений православие занимало особое место – оно, по мнению части лоялистов, выступало мощным стимулом для развития среди местного населения симпатий по отношению к России. Приверженность православной религии и отношение к ней как к русскому культурно-историческому базису являлись значимыми нормативно-ценностными константами части региональных лоялистов, признававших за православием мощный культурный и ассимиляторский потенциал.

Однако среди лояльной правительству общественности края наблюдается попытка выработать критерии русскости и вне контекста православия. Пророссийски ориентированная общественность в регионе, осознававшая свою зависимость от российской власти, пыталась найти способы коммуникации с ее представителями и артикулировала идею гибких способов сочетания региональной самобытности, местных культурных особенностей и отличий с общерусским единством и имперскими ценностными установками. Представители местной общественности, лояльные российской власти, осознавали, что поддержка формирующейся западнорусской идентичности, сохранение в крае специфических обычаев и нравов возможно исключительно под эгидой Русской государственности. Во второй половине 1860-х гг., когда образованная элита края выступала против крайних действий русификаторов, данную мысль последовательно выражал местный публицист Е.А. Лопушинский, не признававший за православием особого значения в формировании идентичности местных русских уроженцев. Он писал: «Несмотря на все беды, причиняемые нам Москвою, она может положиться на нас как на каменную гору. От Москвы мы не отстанем, если бы даже она сама этого пожелала: мы крещены во имя ее огнем и кровью, исхода нет, деваться нам некуда, без Москвы самое бытие наше немислимо, и нравственно и физически невозможно» (Долбилов, 2010: 494).

В силу целого ряда исторических, политических, этнических и конфессиональных факторов развития Северо-Западного края в составе Российской империи в первой половине XIX столетия можно выделить несколько этапов в формировании региональной пророссийски ориентированной общественности как особого интеллектуального и социокультурного явления.

Первый этап в становлении пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края был связан с интеграционными усилиями николаевского правительства в 1830-е гг., выраженными в антиуниатской деятельности, направляемой товарищем министра народного просвещения и заведующего духовными делами иностранных вероисповеданий Д.Н. Блудовым.

Крупный государственный сановник граф Д.Н. Блудов был сторонником интеграционного курса в отношении Западной России, обозначенного в период правления Николая I и выразившегося в попытках остановить полонизацию и латинизацию унии.

Николай I, определив в качестве одной из задач своей национальной политики интеграцию северо-западных губерний в состав империи, искал действенные способы превращения местного населения в лояльных подданных России. Его меры по делатинизации униатского обряда, предпринятые в конце 1820-х гг., привели к возникновению и активизации среди униатов движения за возвращение в православное вероисповедание, а новое поколение образованного униатского духовенства, симпатизирующее православию, приняло участие в разработке реализованного проекта ликвидации унии (Романчук, 2017: 261). Возникновение пророссийских настроений и симпатий к православию в среде греко-католического духовенства стало ответом на процесс латинизации и полонизации унии в северо-западных губерниях, запущенный при Павле I. В своих воспоминаниях о 1820-х гг. архиепископ Антоний (Зубко) выразил настроения, распространенные в этот период в среде униатской интеллектуальной элиты: «Я видел ясно несправедливость гнета польского ультрамонтанства над унитами. Я возмущался при мысли о низком состоянии, в котором находились униты, и во мне возбуждалось рвение содействовать, по мере моих сил, к возвышению их путем просвещения» (Антоний (Зубко), 1889: 49). В размышлениях об этом же периоде митрополита Литовского Иосифа (Семашко) отразился характерный для первого поколения лоялистов Северо-Западного края выбор в пользу «меньшего зла» – православия, которое в начале 1820-х гг. воспринималось ими как «враг», но более «извиняемый», чем дружественная римско-католическая церковь (Иосиф (Семашко), 1883: 20). Начиная с конца 1820-х гг., когда в среде части униатского духовенства распространяется осознание невозможности остановить процесс слияния униатской церкви с польским католичеством, происходит оформление основополагающей задачи, стоявшей перед региональными лоялистами и четко обозначенной М.О. Кояловичем как «великая мысль о защите западно-русского народа от латинской Польши и о сближении его с православной Россией», «спасение в Западной России русской веры и русской народности» (Коялович, 1869: 6, 8). Иосиф (Семашко) одним из первых повел решительную борьбу с последствиями полонизации северо-западных губерний в сфере духовного образования, в первую очередь обратив внимание на языковую проблему в крае (Иосиф (Семашко), 1883: 572).

Среди культурно-исторических и конфессиональных факторов, способствовавших складыванию идейно-теоретических оснований пророссийской ориентации в среде образованного общества края, следует выделить отмеченное М.О. Кояловичем возникшее среди униатского духовенства стремление противодействовать «школе полонизма и латинства», «польской образованности» и «внутренней лжи великолепного по внешности просвещения», укоренившихся в Виленском университете и Главной католической семинарии при нем (Коялович, 1869: 2-3). О сформировавшейся в Виленском учебном округе «общей системе польского образования» негативно отзывался и один из учеников М.О. Кояловича историк П.Н. Жукович (Жукович, 1887: 280). В первом поколении региональных лоялистов укоренилось представление о необходимости во избежание денационализации восточнославянского населения дать отпор и монашескому базилианскому ордену, выражавшему в своей деятельности «польский аристократизм и латинский фанатизм».

М.О. Коялович отмечал, что в 1820-е гг. в Западной России еще не сложилась сильная «партия», способная поддержать дело борьбы западнорусского народа с католическим прозелитизмом (Коялович, 1869: 12). Схожее мнение в 1861 году выскажет один из корреспондентов газеты «День», который отметит, что в 1830-е гг. в литовских землях отсутствовало «самобытное русское направление» (Елагин, 1861: 7). Однако, по мнению Кояловича, уже в 1830-е гг. из общей массы униатов только начал выделяться круг единомышленников священника Иосифа (Семашко), симпатизировавших православию и стремившихся возродить исторические традиции православной культуры среди местного населения. Это новое поколение образованной молодежи обучалось в Жировицкой и Полоцкой духовных семинариях (Коялович, 1869: 31). Сам Коялович получил первоначальное образование в Супрасльском духовном училище, находившемся в той местности, где не прекращалась «народная борьба белорусского элемента с пришлым элементом польским» (Коялович, 2011: 527). В 1830–1840-е гг. духовные учебные заведения стали «кузницей» кадров лояльной российскому правительству общественности.

Окончательное воссоединение с Русской церковью белорусских и малороссийских униатов на Полоцком соборе 1839 года привело к «возбуждению и подъему русского духа» и консолидации тех представителей образованного общества из униатского клира, которые не желали полонизации и латинизации униатских церковных обрядов. В этот период подготовки и проведения религиозной реформы лояльность к российской власти оформлялась преимущественно в клире униатской церкви. На первом из выделяемых этапов формирования пророссийски ориентированной общественности в Северо-Западном крае священник Иосиф (Семашко) своей активной общественной и профессиональной деятельностью во многом способствовал социальной консолидации вокруг официального политического курса, проводимого имперскими властями в Северо-Западном крае.

В качестве отдельного этапа в формировании лояльной российскому правительству общественности окраинного региона следует выделить насыщенный событиями период второй половины 1850 – начала 1860-х гг., ознаменовавшийся либерализацией политического режима, запуском нового «модернизационного витка» и мощным общественно-политическим подъемом в России, который получил свое выражение и на имперских окраинах. Стремление к преобразованиям, охватившее русское общество, привело к активизации польского национального движения на западных окраинах империи. В таких условиях, когда, по словам современников, наступило время «великих начинаний, умственной и нравственной капитализации», «постепенного обновления России» (ОР РГБ. Ф. 334. Кар. 2. Д. 22. Л. 14; ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 43. Д. 22. Л. 3), осмысление польского вопроса являлось составной частью общей умственной и практической деятельности, направленной на преодоление негативных тенденций предшествующего царствования, связанных с невозможностью для общественности выражать свою точку зрения по злободневным проблемам действительности.

Активизация общественной деятельности в Северо-Западном крае ярко проявилась в попытках создания сельскохозяйственного, кредитного и научного обществ, которые могли стать публичными площадками для обсуждения перспектив развития края. Так, например, в 1859 году по итогам дворянского съезда в Минске был подготовлен адрес на имя Александра II, который, наряду с просьбой разрешить создание местных обществ, ходатайствовал о восстановлении Виленского университета и призывал к объединению исторической Литвы с Царством Польским (Gieisztort, 1913: 80). В этот же период общественные деятели Я. Гейштор и Ф. Далевский для руководства общественным мнением в северо-западных губерниях предлагали создать «организацию граждан», состоящую из двух представителей общественности от каждой губернии – «гражданских активистов», которые в рамках своей общественной деятельности оказывали бы влияние на молодое поколение и «образованный народ», способствовали бы скорейшему решению крестьянского вопроса, а также вели бы антизаговорщическую пропаганду (Sobolewsky, 1977: 15). В начале 1860-х гг. программа деятельности данного объединения, включавшего наиболее активных дворян края, базировалась на идеях расширения возможностей для выражения общественного мнения и консолидации общественных усилий по проведению реформаторской и просветительской работы в регионе. С деятельными членами «организации граждан» – минским и гродненским предводителями дворянства А.Д. Лаппой и графом В.М. Старжинским – осенью 1861 года в Петербурге встречался министр внутренних дел П.А. Валуев, обсуждавший с ними возможные меры по привлечению польского дворянства на сторону российского правительства. Следует отметить, что среди местной общественности не было единства в вопросе о формах взаимодействия с имперскими властями. Так, в частности, виленский предводитель дворянства А.Ф. Домейко, также встречавшийся в это время с Валуевым, не разделял позицию «гражданских активистов», считая, что они подменяли собой деятельность органов российской администрации в крае (Gieisztort, 1913: 206). На примере деятельности А.Д. Лаппы и В.М. Старжинского можно выявить одну из траекторий поведения части пророссийски ориентированной общественности накануне эскалации русско-польского конфликта, которая стремилась использовать покровительство высших сановников империи в своих интересах, рассчитывая с их помощью на укрепление «польских начал» в крае в обмен на сохранение политической лояльности.

Выразителем лояльного российскому правительству общественного мнения Северо-Западного края в начале 1860-х гг. выступал граф В.М. Старжинский. П.А. Валуев отмечал стремление Старжинского сделаться «литовским Велипольским», готовым выступить проводником политики «примирения» в крае (Валуев, 1961: 168). В 1861 году Старжинский дважды обращался к П.А. Валуеву, отстаивая идею инкорпорации Литвы в состав России и решения польского вопроса путем расширения самостоятельности общественной деятельности и проведения преобразований в сфере просвещения. Он также выступал с предложением даровать административную автономию Литве, восстановить университет в Вильне и создать представительное учреждение с участием местного дворянства. По его мнению, реализация указанных предложений могла бы способствовать установлению «братского согласия» между русскими и поляками (Комзолова, 2005: 123-124). В ноябре 1862 года при посредничестве Валуева Старжинский дважды смог получить высочайшую аудиенцию у Александра II и представить императору особую записку о положении Западного края, в которой он предлагал наладить постоянные совещания с представителями местного дворянства. Свою записку Старжинский представил и наместнику Царства Польского великому князю Константину Николаевичу (Милютин, 1999: 406).

Своеобразной точкой отсчета в идейном размежевании в среде местной общественности, ориентированной на сотрудничество с имперскими властями, стали события 1861 года, когда в Западном крае после первых жертв демонстраций в Варшаве февраля–марта этого года прокатилась волна польских манифестаций. На фоне радикализации общественных настроений большая часть местной интеллектуальной элиты пошла по пути конфронтации с российской властью, пополняя ряды радикальных организаций. Весной 1863 года во взглядах на политику в Западном крае с имперской администрацией окончательно разошелся и В.М. Старжинский, не принявший правительственный подход к решению крестьянского вопроса, считая, что указ от 1 марта 1863 года об обязательном выкупе

крестьянских наделов вел к «социальному перевороту», оскорблению «польского элемента» в Литве и обнищанию местных помещиков (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 23. Ч. 81. Л. 25, 28; Комзолова, 2005: 131).

На формирование пророссийски ориентированной общественности существенное влияние оказало развитие социокультурных практик дворянских литературных салонов и кружков 1840–1850-х гг., выступавших центрами притяжения прогрессивных общественных деятелей. Данная тенденция была характерна для Северо-Западного края, наиболее известным интеллектуальным центром которого в конце 1850 – начале 1860-х гг. являлся литературный салон виленского издателя и публициста А.К. Киркора, отстаивавшего идею русско-польского примирения. Польские интеллектуалы, входившие в данный кружок, разделяли идею его главы о необходимости культурного сближения поляков с русскими и публичной поддержки политического курса российского правительства, направленного на установление русско-польского согласия. В 1858 году к приезду Александра II в Вильну члены кружка подготовили сборник статей и стихов, известный под названием «Виленский альбом», который был проникнут любовью и уважением к России и новому императору, распространенной в интеллектуальной элите белорусско-литовских губерний верой в «добрые намерения» монарха (Банашкевич, 2022: 395). В своем стихотворении в честь Александра II «Да придет царствие Твое» виленский писатель и публицист А.Ф. Одынец с восторгом отзывался о подготовке крестьянской реформы. Верноподданнический характер «Виленского альбома» вызвал возмущение у польских националистов и навлек на его составителей несправедливые упреки в заискивании перед правительством.

Одной из значимых площадок развития культурной и литературной жизни Северо-Западного края стал журнал «Атенеум», выходивший под редакторством крупного польского писателя, публициста и издателя Ю. Крашевского с 1841 по 1851 гг. За период своего существования журнал превратился в цельную «картину духовной жизни литовско-русской провинции» (Ciechowski, 1911: 103), став рупором литвинской идеологии посредством публикации материалов об истории и культуре земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. Именно на его страницах в статье польского историка А. Пршездецкого была впервые высказана идея об организации общедоступного национального музея в Вильне, способного сыграть важнейшую роль в просвещении края (Przedziecki, 1842: 195). Личность и творчество Ю. Крашевского оказали значительное влияние на деятельность умеренных прогрессистов и лоялистов А. Киркора, Е. Тышкевича, Т. Нарбута, М. Балинского в рамках образовавшегося в 1855 году нового научно-просветительского общества – Виленской временной археологической комиссии (далее – ВВАК), призванной компенсировать отсутствие университета в крае и своим созданием ознаменовавшей практическое воплощение нового правительственного курса в отношении северо-западных губерний. В ее рамках была создана комиссия из представителей местной общественности для разработки устава нового научного общества (Stolzman, 1983: 53). Торжественное открытие Виленского музея древностей (далее – ВМД), состоявшееся в апреле 1856 года, стало значимой вехой в выстраивании нового сценария властно-общественного взаимодействия в крае (Лавринец, 2015: 254). На чрезвычайном заседании ВВАК при участии В.И. Назимова, сыгравшего большую роль в развитии ее деятельности, председатель комиссии и попечитель ВМД Е.П. Тышкевич, оценивая значение рескрипта наследника цесаревича Николая Александровича, принявшего под свое покровительство ВВАК и ВМД, отмечал, что августейшее покровительство является «надежным оплотом» долголетнего существования основанных им учреждений и «залогом будущего преуспевания» (Лавринец, 2015: 260). После подавления Январского восстания 1863–1864 гг. и формирования нового правительственного курса в отношении Северо-Западного края ВВАК и ВМД сторонниками политики М.Н. Муравьева стали рассматриваться как орудия «польско-католической пропаганды». В противовес этой точке зрения А.К. Киркор стремился продемонстрировать вполне лояльный характер деятельности данного научно-просветительского общества, отмечая, что на заседаниях ВВАК «всегда присутствовал попечитель округа, часто и генерал-губернатор», а протоколы заседаний составлялись на русском языке (Киркор, 1882: 124). Во второй половине 1850-х гг. ВВАК и ВМД стали институциональными площадками для реализации политики примирения, одними из активных участников которой выступали представители пророссийски ориентированной общественности края.

Отмена крепостного права ориентировала русское правительство на поиск новых подходов к интеграции Северо-Западного края в состав Российской империи. Подавляющее большинство населения региона, представленное белорусами и малороссами, рассматривалось имперскими властями как составная часть триединого русского народа, для которого было необходимо создавать новые условия для социально-экономического и культурного развития, свободного от угнетения со стороны «польских пришельцев» и ополяченных русских ренегатов. Для этого необходимо было ориентироваться прежде всего на местные интеллектуальные силы, на «русское общество» Западного края, которое, по словам Д.Р. Каширина, ждет поддержки и «возносит постоянно мольбы свои... ко внутренней России» (РГИА. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 126. Л. 3).

Цельную программу нового политического курса в отношении Северо-Западного края с опорой на местный интеллектуальный слой в начале 1862 года разработал представитель либеральной бюрократии, выходец из Черниговской губернии А.П. Заблоцкий-Десятовский. В его записке были изложены основные административные и просветительские меры «плодотворной и прочной системы

противодействия полонизации» северо-западных губерний России. Наряду с административными мероприятиями Заблоцкий-Десятовский особое внимание уделял правительственной политике, способной привести к «возбуждению русского населения к деятельности, к развитию в материальном и умственном отношении», что позволило бы имперским властям успешно противостоять польским устремлениям и противодействовать дальнейшей полонизации региона, а также упрочить нравственное единение местного населения с Российским государством и властью (ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 58. Л. 30б.). Заблоцкий был убежден, что противодействовать польским политическим стремлениям следует с помощью развития в православном русском элементе края «нравственного сознания» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 3. Л. 38), а также путем всесторонней поддержки и развития местных народностей – белорусов, малороссов и литовцев, которые могли бы стать опорой правительства при проведении политики деполонизации края (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 96об.).

Вскоре после начала Январского восстания 1863–1864 гг. Заблоцкий-Десятовский выступил с проектом создания Западнорусского общества, которое должно было стать дискуссионно-консультативной площадкой для консолидации представителей правительственных и общественных кругов, в том числе и представителей региональной общественности, способных выступить в качестве экспертов и оказать реальную помощь в деле «нравственного и экономического развития туземного населения западных губерний России» для генерации конструктивных смыслов и практик, способных противостоять дезинтеграционному воздействию польского оппозиционного национального движения. Он был убежден в невозможности защиты западнорусской народной стихии от давления польского элемента исключительно правительственными мерами без моральной и интеллектуальной поддержки русской общественной среды (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 87–87об.). В связи с этим в Западнорусское общество должны были входить «лица, тесно связанные сочувствием к делу православия и русского народа в Западном крае», к которым относились бы как представители российской общественности, так и «местные деятели» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 93). Одной из важнейших задач Общества должно было стать «пробуждение» национального сознания местных народностей посредством культурно-просветительской деятельности и духовного развития, способствовавшего «упрочению их нравственного единения с общим Отечеством» и ограждавшего их от польско-католического влияния, из-за которого эти народы в течение долгого времени находились в состоянии настоящего умственного «летаргического сна» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 99). Центральным органом Общества должен был стать Совет, в который вошли бы такие видные общественные деятели, ученые и литераторы, придерживавшиеся консервативно-патриотических взглядов, как П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Ф.И. Тютчев, А.Ф. Гильфердинг, К.Н. Бестужев-Рюмин, К.К. Грот, М.О. Коялович и др.

Данная записка была передана на рассмотрение председателю Государственного совета Д.Н. Блудову, нашедшему ее «чрезвычайно полезной и заслуживающей внимания правительства» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. Л. 115). Проект создания Западнорусского общества был поддержан многими высокопоставленными лицами, однако вследствие сохранявшейся сословной ориентации правительственной политики он так и не был утвержден императором. На данном этапе российское правительство было не готово к открытому сотрудничеству с местной нарождающейся общественностью, опасаясь, что данный тандем помешает примирению с польской элитой региона.

5. Заключение

В первой половине XIX века пророссийски ориентированная общественность Северо-Западного края как особое социокультурное явление в своем становлении прошла несколько этапов, каждый из которых включал интеллектуальную рефлексию по вопросам выработки примирительной политики в регионе, консолидации интересов в среде местных интеллектуалов, поиск возможного консенсуса с российской властью в условиях трансляции конкурирующего проекта польской государственности.

Реформы царствования Александра II, расширившие имперскую публичную сферу и давшие мощный импульс развитию общественной самоорганизации, а также новый русификаторский вектор национальной политики имперских властей, явственно обозначившийся после Январского восстания 1863–1864 гг., ориентировали общественность северо-западных губерний на оценку правительственной политики по интеграции края в состав империи, вели к ее дальнейшему размежеванию на отдельные идейные направления. К началу 1860-х гг. в среде пророссийски ориентированной общественности выделяются два основных идейных течения. Одно из них основывалось на сословном принципе и было представлено местными шляхетскими лоялистами, демонстрировавшими готовность к политике примирения и уступок и отстаивавшими свое право на активную общественную и культурно-просветительскую деятельность в Северо-Западном крае. Представители этой части лояльной российскому правительству местной общественности выступали носителями польской идентичности, разделяли польские политические и культурные ценности и были готовы, поддерживая угодную позицию, договариваться с имперскими властями, стремясь к удовлетворению своих сословных требований, связанных с поддержанием доминирующего положения в регионе польской культуры и цивилизации. Деятельность представителей данного направления с началом эскалации русско-польского конфликта в 1860–1861 гг. приобретает все более ярко выраженный антиправительственный характер, утрачивая черты лоялизма.

Второе направление пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края было представлено национально-ориентированной и консервативно-патриотической группой местных деятелей, зародившейся в рядах тяготевших к православию униатских священников в 1830–1840-е гг. Данное направление, возобладавшее в период и после подавления Январского восстания, ориентировалось на решительную борьбу с «польским элементом» в крае, выступая за русификацию региона и поддерживая усиление в нем русского влияния и православных традиций. Его представители с начала 1860-х гг. активно поддерживали правительственную деятельность, направленную на деполонизацию региона, и участвовали в выработке идейных критериев его обрусения.

Следует отметить, что обозначенные идейные направления в среде лояльной российскому правительству общественности развивались в контексте формирования и поддержания западнорусской идентичности, апеллируя, с одной стороны, к общерусской истории края и связывая дальнейшее его развитие с универсальными общеимперскими ценностями. С другой стороны, они рассматривали западную ветвь русского народа в качестве самостоятельного субъекта истории, обладающего специфическими историко-культурными особенностями, тем самым закладывая основы для складывания белорусской и малороссийской идентичностей. При этом представителей пророссийски ориентированной общественности отличала четкая мировоззренческая установка на то, что полноценное развитие «западнорусского народа» и сохранение оригинального этнического, культурного и религиозного облика Северо-Западного края возможно только при поддержании органических связей с Россией и трансляции единой имперской идеи имперского гетерогенного государства с восточнославянским этническим ядром. Если часть пророссийски ориентированной общественности в качестве основы государственного единства рассматривала православное вероисповедание местного населения, которое следовало защитить от католического воздействия, то другие лоялисты считали возможным приобщение региона к общерусскому центру и без стирания религиозных различий, выдвигая на первое место политическую лояльность и приверженность русским государственным интересам.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00080 «Актуальные проблемы развития Российской империи в воззрениях пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края в 1850–1870-е гг.».

Литература

- Антоний (Зубко), 1889** – Антоний (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / *Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западнорусских униатов*. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1889. С. 38-76.
- Банашкевич, 2022** – Банашкевич М.А. Адам Киркор и «польская газета, издаваемая в Петербурге»: из истории (само)восприятия ранней публицистики «Нового времени» (1868–1871 годы) / *Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве*. СПб.: Владимир Даль, 2022. С. 368-415.
- Бобрович, 2018** – Бобрович В.И., Марчинская Н.И. и др. Словарь терминов по политологии: сетевое электронное учебное издание. Мн.: МГЛУ, 2018. 40 с.
- Валуев, 1961** – Валуев П.А. *Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. I. 1861–1864 гг. 425 с.*
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гросул, 2003** – Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX вв. Традиции и инновации. М.: Наука, 2003. 517 с.
- Долбилов, 2010** – Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
- Елагин, 1861** – Елагин В.А. Несколько слов о Польше и Литве // *День*. 1861. № 8. 2 декабря. С. 7-9.
- Жукович, 1887** – Жукович П.Н. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832) // *Христианское чтение*. 1887. № 3–4. С. 237-286.
- Западные окраины..., 2007** – Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 608 с.
- Иосиф (Семашко), 1883** – Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. СПб.: Тип. императорской Академии Наук, 1883. Т. 1. 745 с.
- Киркор, 1882** – Киркор А.К. Просвещение и народное творчество в Литве / *Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении*. СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1882. Т. 3. Ч. 1: Литовское полесье. Ч. 2: Белорусское полесье. С. 97-136.
- Киселев, 2006** – Киселев А.А. Проблема белорусского языка в публицистике М.О. Кояловича (первая половина 1860-х гг. XIX в.) / *Личность-слово-социум: материалы 6-ой Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 апреля 2006 г., г. Минск: в 2 ч. Мн., 2006. Ч. 2. С. 36-39.*

- Комзолова, 2005** – Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: «Наука», 2005. 383 с.
- Коялович, 1869** – Коялович М.О. О почившем митрополите Литовском Иосифе. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1869. 54 с.
- Коялович, 2011** – Коялович М.О. Шаги к обретению России. Мн.: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 752 с.
- Лавринец, 2015** – Лавринец П. Владимир Назимов и Виленская временная археологическая комиссия // *Kova dėl istorijos: Vilniaus senienų muziejus (1855–1915): mokslo straipsnių rinkinys, tarptautinė mokslinė konferencija, Vilnius, 2015 m. gegužės 7 – 8 d.* Vilnius, 2015. С. 251-262.
- Лукин, 2005** – Лукин В.Н. Культурологическая и институциональная традиции в исследовании гражданского общества // *Credo-New*. 2005. № 4(44). С. 112-121.
- Милютин, 1999** – Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М.: Российский архив, 1999. 559 с.
- Общественная мысль России..., 2020** – Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т. М: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 3. 486 с.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Романчук, 2017** – Романчук А.А. Предпосылки упразднения унии в Российской империи в 1839 г. // *Труды Минской духовной академии*. 2017. № 14. С. 243-271.
- Романчук, 2020** – Романчук А.А. Причины возникновения движения к православию униатского духовенства в Российской империи в первой трети XIX века // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 2. С. 293-317.
- Смоленчук, 2007** – Смоленчук А. Литвинство, западнорусизм и белорусская идея. XIX – начало XX в. // *Перекрестки*. 2007. № 1. Вып. 2. С. 5-17.
- Сталюнас, 2004** – Сталюнас Д. Проблема административно-территориальных границ в «национальной политике» имперской власти: Ковенская губерния в середине XIX века // *Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления*. Воронеж, 2004. С. 147-166.
- Теплова, 1999** – Теплова В.А. Михаил Осипович Коялович и русская православная историография. Послесловие / Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. Мн.: Лучи Софии, 1999. С. 385-395.
- Шимукович, 2017** – Шимукович С.Ф. Белорусские региональные элиты периода «долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия // *«Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории*. Мн.: РИВШ, 2017. Вып. 1. С. 3-12.
- Устрялов, 1839** – Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839. 42 с.
- Bernstein, 2005** – Bernstein M. Identity politics // *Annual review of sociology*. 2005. Vol. 31. Pp. 47-74.
- Ciechowski, 1911** – Ciechowski W. Czasopisma polskie na Litwie // *Kwartalnik Litewski*. 1911. Т. 5. Pp. 101-124.
- Gieisztort, 1913** – Gieisztort J. Pamiętniki z lat 1857–1865. Wilno: Nakł. Now. Udz. Kurjer Litewski, 1913. 420 p.
- Przedziecki, 1842** – Przedziecki A. Galeria obrazow Postawska // *Athenaeum*. 1842. Т. 2. Pp. 194-202.
- Sobolewsky, 1977** – Sobolewsky M. Partie i systematy partyjne swiata kapitalistycznego. Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk, 1977. 525 s.
- Spatial concepts of Lithuania, 2016** – Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century / Ed. by D. Staliūnas. Boston, 2016. 478 p.
- Stolzman, 1983** – Stolzman M. O wileńskiej inteligencji. 1830–1863 // *Inteligencja polska XIX i XX w.: W 4 t.* Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk, 1983. Т. 3. Pp. 10-65.

References

- Antonii (Zubko), 1889** – Antonii (Zubko), *arkhiepiskop* (1889). O Greko-Uniatskoi Tserkvi v Zapadnom krae Rossii [About the Greek Uniate Church in the Western Territory of Russia]. *Sbornik statei, izdannykh Sv. Sinodom po povodu 50-letiya vossoedineniya s Pravoslavnoi Tserkov'yu zapadnorusskikh uniatov*. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, pp. 38-76. [in Russian]
- Banashkevich, 2022** – Banashkevich, M.A. (2022). Adam Kirkor i «pol'skaya gazeta, izdavaemaya v Peterburge»: iz istorii (samo)vospriyatiya rannei publitsistiki «Novogo vremeni» (1868–1871 gody) [Adam Kirkor and the "Polish newspaper published in St. Petersburg": from the history of (self-)perception of the early journalism of the "New Time" (1868–1871)]. *Nasledie Rechi Pospolitoi v imperskom intelektual'nom prostranstve*. SPb.: Vladimir Dal', pp. 368-415. [in Russian]
- Bernstein, 2005** – Bernstein, M. (2005). Identity politics. *Annual review of sociology*. 31: 47-74.
- Bobrovich, 2018** – Bobrovich, V.I., Marchinskaya, N.I. i dr. (2018). Slovar' terminov po politologii: setevoe elektronnoe uchebnoe izdanie [Glossary of Political Science Terms: Online Electronic Educational Edition]. Minsk: MSLU, 40 p. [in Russian]

- Ciechowski, 1911** – *Ciechowski, W.* (1911). Czasopisma polskie na Litwie [Polish magazines in Lithuania]. *Kwartalnik Litewski*. 5: 101-124. [in Lithuanian]
- Dolbilov, 2010** – *Dolbilov, M.D.* (2010). Russkii kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II [Russian land, foreign faith: Ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1000 p. [in Russian]
- Elagin, 1861** – *Elagin, V.A.* (1861). Neskol'ko slov o Pol'she i Litve [A few words about Poland and Lithuania]. *Day*. 8. December 2nd. Pp. 7-9. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gieisztort, 1913** – *Gieisztort, J.* (1913). Pamiętniki z lat 1857–1865 [Diaries from 1857–1865]. Wilno: Nakł. Now. Udz. Kurjer Litewski, 420 p. [in Polish]
- Grosul, 2003** – *Grosul, V.Ya.* (2003). Russkoe obshchestvo XVIII – XIX vv. Traditsii i innovatsii [Russian society of the 18th – 19th centuries. Tradition and innovation]. Moscow: Nauka, 517 p. [in Russian]
- Iosif (Semashko), 1883** – *Iosif (Semashko), mitropolit* (1883). Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoyu Akademiiyeyu Nauk po zaveshchaniyu avtora: v 3 t. [Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, published by the Imperial Academy of Sciences according to the will of the author: in 3 volumes]. SPb.: Tip. imperatorskoi Akademii Nauk. T. 1. 745 p. [in Russian]
- Kirkor, 1882** – *Kirkor, A.K.* (1882). Prosveshchenie i narodnoe tvorchestvo v Litve [Enlightenment and folk art in Lithuania]. *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii*. SPb.: Tip. M.O. Vol'f, 1882. T. 3. Ch. 1: Litovskoe poles'e. Ch. 2: Belorusskoe poles'e, pp. 97-136. [in Russian]
- Kiselev, 2006** – *Kiselev, A.A.* (2006). Problema belorusskogo yazyka v publitsistike M.O. Koyalovicha (pervaya polovina 1860-kh gg. XIX v.) [The problem of the Belarusian language in M.O. Koyalovich (first half of the 1860s of the 19th century)]. *Lichnost'-slovo-sotsium: materialy 6-oi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 19–20 aprelya 2006 g., g. Minsk: v 2 ch. Mn., 2006. Ch. 2*, pp. 36-39. [in Russian]
- Komzolova, 2005** – *Komzolova, A.A.* (2005). Politika samodержaviya v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform [The policy of autocracy in the North-Western Territory in the era of the Great Reforms]. M.: «Nauka», 383 p. [in Russian]
- Koyalovich, 1869** – *Koyalovich, M.O.* (1869). O pochivshem mitropolite Litovskom Iosife [About the late Metropolitan Joseph of Lithuania]. SPb.: Tip. Dep. udelov, 54 p. [in Russian]
- Koyalovich, 2011** – *Koyalovich, M.O.* (2011). Shagi k obretniyu Rossii [Steps to gaining Russia]. Mn.: Izd-vo Belorusskogo Ekzarkhata, 752 p. [in Russian]
- Lavrinet, 2015** – *Lavrinet, P.* (2015). Vladimir Nazimov i Vilenskaya vremennaya arheologicheskaya komissiya [Vladimir Nazimov and Vilna Temporary Archaeological Commission]. *Kova dėl istorijos: Vilniaus senienų muziejus (1855–1915): mokslo straipsnių rinkinys, tarptautinė mokslinė konferencija, Vilnius, 2015 m. gegužės 7 – 8 d.* [Struggle for history: Vilnius Museum of Antiquities (1855–1915): collection of scientific articles, international scientific conference, Vilnius, 2015. May 7-8]. Vilnius, pp. 251-262. [in Russian]
- Lukin, 2005** – *Lukin, V.N.* (2005). Kul'turologicheskaya i institutsional'naya traditsii v issledovanii grazhdanskogo obshchestva [Cultural and institutional traditions in the study of civil society]. *Credo-New*. 4(44): 112-121. [in Russian]
- Milyutin, 1999** – *Milyutin, D.A.* (1999). Vospominaniya. 1860–1862 [Memories. 1860–1862]. M.: «Rossiiskii Arkhiv», 559 p. [in Russian]
- Obshchestvennaya mysl' Rossii, 2020** – *Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneishikh vremen do serediny XX v.: v 4 t.* [Social thought in Russia: from ancient times to the middle of the 20th century: in 4 volumes]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. Vol. 3, 486 p. [in Russian]
- OR RGB** – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- Przedzięcki, 1842** – *Przedzięcki, A.* (1842). Galerya obrazow Postawska [Postawska Picture Gallery]. *Athenaeum*. T. 2. Pp. 194-202. [in Polish]
- RGIA** – Rossiiskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Romanchuk, 2017** – *Romanchuk, A.A.* (2017). Predposylki uprazhneniya unii v Rossiiskoi imperii v 1839 g. [Prerequisites for the abolition of the union in the Russian Empire in 1839]. *Trudy Minskoj dukhovnoi akademii*. 14: 243-271. [in Russian]
- Romanchuk, 2020** – *Romanchuk, A.A.* (2020). Prichiny vznikeniya dvizheniya k pravoslaviyu uniatskogo dukhovenstva v Rossiiskoi imperii v pervoi treti XIX veka [Causes of the Movement to Orthodoxy of the Uniate Clergy in the Russian Empire in the First Third of the 19th Century]. *Tetrad' po konservatizmu*. 2: 293-317. [in Russian]
- Shimukovich, 2017** – *Shimukovich, S.F.* (2017). Belorusskie regional'nye elity perioda «dolgogo XIX veka» kak predmet istoricheskogo issledovaniya: obosnovanie ponyatiya [Belarusian regional elites of the “long 19th century” period as a subject of historical research: substantiation of the concept]. «Dolgiy XIX vek» v istorii Belarusi i Vostochnoi Evropy: issledovaniya po Novoi i Noveishei istorii. Mn.: RIVSh. P. 1, pp. 3-12. [in Russian]

Smolenchuk, 2007 – *Smolenchuk, A.* (2007). Litvinstvo, zapadnorusizm i belorusskaya ideya. XIX – nachalo XX v. [Litvinism, Western Russianism and the Belarusian idea. XIX – beginning of the XX centuries]. *Perekrestki*. 1(2): 5-17. [in Russian]

Sobolewsky, 1977 – *Sobolewsky, M.* (1977). Partie i systematy partyjne swiata kapitalistycznego [Parties and party systems of the capitalist world]. Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk, 525 p. [in Polish]

Spatial concepts of Lithuania, 2016 – Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century. Boston, 2016. 478 p.

Stolzman, 1983 – *Stolzman, M.* (1983). O wileńskiej inteligencji. 1830–1863 [About the intelligentsia of Vilnius. 1830–1863]. *Inteligencja polska XIX i XX w.: W 4 t.* Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk, T. 3. Pp. 10-65. [in Polish]

Teplova, 1999 – *Teplova, V.A.* (1999). Mikhail Osipovich Koyalovich i russkaya pravoslavnaya istoriografiya. Posleslovie [Mikhail Osipovich Koyalovich and Russian Orthodox historiography. Afterword]. *Koyalovich M.O. Istoriya vossoedineniya zapadnorusskikh uniatov starykh vremen. Mn.: Luchi Sofii.* Minsk: Luchi Sofii, pp. 385-395. [in Russian]

Ustryalov, 1839 – *Ustryalov, N.G.* (1839). Issledovanie voprosa, kakoe mesto v russkoi istorii dolzhno zanimat' Velikoe knyazhestvo Litovskoe? [Study of the question, what place in Russian history should the Grand Duchy of Lithuania occupy?]. SPb, 42 p. [in Russian]

Valuev, 1961 – *Valuev, P.A.* (1961). Dnevnik P.A. Valueva ministra vnutrennikh del: v 2 t. [Diary of P.A. Valuev Minister of Internal Affairs: in 2 volumes]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Vol. I. 1861–1864, 425 p. [in Russian]

Zapadnye okrainy..., 2007 – Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 608 p.

Zhukovich, 1887 – *Zhukovich, P.N.* (1887). Ob osnovanii i ustroistve glavnoi dukhovnoi seminarii pri Vilenskom universitete (1803–1832) [On the foundation and organization of the main theological seminary at the Vilna University (1803–1832)]. *Khristianskoe chtenie*. 3-4: 237-286. [in Russian]

«Побеги русских идей»: основные этапы формирования пророссийски ориентированной общественности в Северо-Западном крае в первой половине XIX века

Оксана Олеговна Завьялова^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе широкой эмпирической базы выделяются этапы формирования пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края как особого интеллектуального и социокультурного явления первой половины XIX века. Проведен анализ социокультурных и общественно-политических факторов, способствовавших возникновению и развитию данного идейного направления, стремившегося к налаживанию сотрудничества между имперскими властями и образованным обществом окраинного региона.

Формирование пророссийски ориентированной общественности являлось реакцией на доминирование в северо-западных губерниях Российской империи полонизированной социальной элиты, отстаивавшей польский национальный проект, который конкурировал с идеей имперской унификации западных окраин. Богатая событиями иногосударственного развития история края влияла на общественное сознание его жителей, способствуя укреплению как регионального сепаратизма, так и лоялизма, суть которого состояла в осознании возможности успешного и бесконфликтного развития региона в составе России.

Делается вывод о том, что в специфических историко-культурных условиях северо-западных губерний к началу 1860-х гг. в среде пророссийски ориентированной общественности оформилось два основных идейных течения, одно из которых основывалось на сословном принципе и было представлено местными шляхетскими лоялистами, а другое – национально-ориентированной и консервативно-патриотической группой местных деятелей. Вместе с тем представителей пророссийски ориентированной общественности отличала четкая мировоззренческая установка на то, что полноценное развитие «западнорусского народа» и сохранение оригинального этнического, культурного и религиозного облика Северо-Западного края возможно только при наличии органических связей региона с Россией и отстаивании единой державной идеи имперского гетерогенного государства с восточнославянским этническим ядром.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный край, Александр II, А.П. Заблоцкий-Десятовский, пророссийски ориентированная общественность, национальная политика, публичная сфера.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zavyalova@sfedu.ru (О.О. Завьялова)